

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

22 января 2017 г.

Дата принятия в печать

15 августа 2018 г.

Дата онлайн-размещения

14 сентября 2018 г.

Ключевые слова

Насильственный экстремизм; экстремистские мотивы; ненависть; визуальная криминология; справедливость; власть; терроризм; радикализация; правосознание

Аннотация. В условиях глобализации международное сотрудничество в сфере противодействия распространению радикальной идеологии осуществляется при всеобщем понимании необходимости борьбы с криминальной активностью экстремистских сообществ. Использование государством жестких уголовных санкций в отношении лиц, виновных в совершении преступлений экстремистской направленности, полностью соответствует требованиям международных соглашений в области защиты прав человека. Изоляция от общества наиболее опасных экстремистов является действенным средством предотвращения террористических актов и благоприятно сказывается на национальной и международной безопасности, способствует реализации фундаментальных прав и свобод человека. Проблема уголовно-правовой квалификации преступлений экстремистского характера состоит в необходимости ограничения проявлений насильственного экстремизма от иных правонарушений, а также законных общественных инициатив, направленных против социальной дискриминации и несправедливости. Борьба за власть, которая разворачивается вне правового поля, обладает значительной степенью общественной опасности, однако лишь наиболее тяжкие противоправные деяния надлежит квалифицировать как проявления экстремизма. Способность национальной правоохранительной системы применять соответствующие тяжести правонарушений санкции за использование противоправных методов политической борьбы, которая осуществляется из экстремистских мотивов, определяется решением задачи по ограничению идеологии экстремизма от значительно менее общественно опасных форм организации протестного политического движения. Анализ криминальной активности экстремистских сообществ показал, что для идеологии преступного экстремизма характерно стремление к обретению власти, авторитета и политического влияния за счет причинения вреда жизни и здоровью людей, а равно разрушения таких системообразующих институтов гражданского общества, как семья и частная собственность. Решение проблемы справедливости наказания в борьбе с преступлениями, совершенными из экстремистских побуждений, определяется искоренением условий, порождающих экстремистскую идеологию, которые, выступая криминогенным фактором, обуславливают наиболее опасные проявления преступного насилия в российском обществе.

ACTUAL PROBLEMS OF EXTREMISM CRIME COUNTERACTION

Viktor P. Kirilenko, Georgy V. Alekseev

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, the Russian Federation

Article info

Received

2017 January 22

Accepted

2018 August 15

Available online

2018 September 14

Keywords

Violent extremism; extremist motives; hatred; visual criminology; justice; power; terrorism; radicalization; legal conscience

Abstract. In the conditions of globalization, international cooperation in counteracting the spread of radical ideologies is based on the common understanding of the necessity to combat the criminal activities of extremism groups. The use of strict criminal sanctions towards persons guilty of extremism crimes fully complies with the requirements set forth in the international agreements regarding the protection of human rights. Isolation of the most dangerous extremists from society is an effective way of preventing acts of terrorism, it has a beneficial impact on national and international security and contributes to the fulfillment of fundamental human rights and freedoms. The problem area of the criminal law qualification of extremism crimes is the necessity to differentiate between violent extremism and other offenses as well as lawful public initiatives against social discrimination and injustice. If power struggle takes place outside the legal framework, it poses a high degree of public danger, but only the gravest illegal actions should be qualified as manifestations of extremism. The ability of national law enforcement to impose sanctions corresponding to the gravity of unlawful methods of

political struggle motivated by extremism is determined by the task of separating extremism ideology from less publicly dangerous forms of organizing political protests. The analysis of extremism groups' criminal activity showed that the ideology of criminal extremism is characterized by the desire to obtain power, authority and political clout by harming lives and health of people as well as by destroying such systemic institutes of civil society as family and private property. The solution to the problem of fair punishment in counteracting crimes with extremist motives lies in the elimination of such conditions that give rise to extremism ideologies and that act as a criminogenic factor determining the most dangerous cases of criminal violence in the Russian society.

На заседании Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека 8 декабря 2016 г. была согласована необходимость выработать единые юридические критерии экстремизма для более адресной борьбы с правонарушениями экстремистской направленности. В ходе обсуждения вопроса противодействия экстремизму председатель Национального антикоррупционного комитета К. В. Кабанов особо отмечал, что «полюс боя становятся человеческие умы, человеческое сознание и интернет-пространство». По итогам дискуссии стало очевидно, что, по справедливому замечанию Президента Российской Федерации В. В. Путина, нельзя «под сурдинку» квалифицировать любой политический протест как проявление экстремизма в формально-правовом смысле¹. Решение актуальной научной задачи по обеспечению авторитетности юридической экспертной оценки информационных материалов на предмет наличия в них признаков пропаганды экстремизма, по нашему мнению, лежит именно в криминологической плоскости.

В российской научной литературе сложилось справедливое представление о том, что преступления, совершаемые под влиянием радикальной идеологии насильственного экстремизма, отличаются высокой степенью общественной опасности, которая обусловлена неспровоцированным насилием по отношению к неопределенному кругу законопослушных граждан и традиционных социальных институтов [1–3]. Объектами посягательства преступлений экстремистского характера становится широкий круг политических отношений. Экстремизм поражает не только государственную власть и порядок ее реализации, но и всю систему национальных традиционных ценностей, сложившуюся в конкретной стране. Идеология насильственного

экстремизма все чаще становится катализатором политических трансформаций, в результате которых принцип справедливости отодвигается на второй план, на фоне иррациональных притязаний на исключительность со стороны лидеров экстремистских сообществ.

В научной литературе широко признано социальное и идеологическое единство экстремистских сообществ и террористических организаций [3; 4]. На основе анализа реальных проявлений социального насилия, которое было идеологическим образом обусловлено, доказана необходимость силового реагирования в отношении экстремистских преступных сообществ [5]. Меры уголовного наказания широко используются в правоприменительной практике развитых государств по отношению к лицам, оказывающим поддержку и осуществляющим оправдание деятельности «внутренних врагов демократии» [6]. Таким образом, одним из основных признаков экстремистской идеологии является стремление преступников к применению насилия против демократических институтов, получивших широкое международное признание.

Преступления экстремистского характера направлены против политической стабильности, национальной безопасности государства и устойчивого развития всего мирового сообщества. Насильственный экстремизм, бесспорно, является радикальной политической идеологией, которая порождает многие тяжкие преступления, наиболее опасными среди которых становятся террористические акты (ст. 205 УК РФ), бандитизм (ст. 209 УК РФ) и массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ). В результате деятельности экстремистских сообществ под угрозой оказываются жизнь и здоровье людей, устойчивое развитие народного хозяйства страны, интересы институтов гражданского общества.

Совершенствование уголовного права Российской Федерации в процессе криминализации деяний, обладающих признаками

¹ Встреча Президента с Советом по развитию гражданского общества и правам человека. 2016. 8 дек. URL: <http://president-sovet.ru/events/meetings/read/13>.

осуществления экстремистской деятельности, во многом опиралось на нормы административного законодательства, что обусловило ряд проблем с квалификацией преступлений экстремистского характера. Определение экстремизма в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 23 ноября 2015 г.) неразрывно связано с уголовно-правовым институтом «преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» (п. «е» ст. 63 УК РФ). В зарубежной научной литературе такие преступления достаточно часто характеризуются как совершенные из ненависти (*hate crime*) [7–9].

В доктрине уголовного права к числу преступлений экстремистского характера традиционно относится ряд преступлений против государственной власти, в том числе публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ), организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ), организация и финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ) [2].

Ряд составов преступлений против общественной безопасности и общественного порядка всегда совершается субъектами, которые либо находятся под влиянием идеологии воинствующего экстремизма, либо ее распространяют. В частности, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ) и организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ) в большинстве случаев становятся результатом недостаточно эффективной профилактики преступлений экстремистского характера, слабой работы правоохранительных органов в вопросе противодействия идеологии насильственного экстремизма. Такие составы преступлений против мира и безопасности человечества, как публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354) и реабилитация нацизма (ст. 354.1 УК РФ), также практически всегда совер-

шаются в результате распространения экстремистской идеологии.

Криминализация состава ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» отвечает интересам информационной безопасности и в значительной степени соответствует общемировой тенденции по криминализации экстремистской пропаганды [3]. Вместе с тем в процессе квалификации преступлений экстремистской направленности уделяется еще недостаточно внимания таким аспектам объективной стороны преступных посягательств, которые отражают политический характер насильственного экстремизма, отмеченный в широком спектре научных исследований по вопросу радикализации в современном обществе.

Как справедливо отметит шведский ученый М. Р. Дифвермарк (Megan Reif Dyfvermark), контекст радикализации в подавляющем большинстве случаев затрагивает электоральные процессы, подрывая тем самым демократическое устройство государства на национальном уровне [10]. Антидемократический характер экстремистской идеологии также подчеркивается в криминологических исследованиях британского социолога В. Риггиеро (Vincenzo Ruggiero), которые отражают коллективный характер криминальной идеологической активности экстремистских сообществ [11]. Британская доктрина противодействия политической преступности, признавая тот факт, что существуют институциональные и антиинституциональные формы политического насилия, а именно насилие власти и насильственные выражения неприятия власти, отмечает, что политическое насилие включает в себя множество противоправных действий и мотивов, которые невозможно однозначно юридическим образом квалифицировать. По мнению британских ученых, экстремистские сообщества на практике используют как санкционированное, так и несанкционированное насилие, и, хотя только последнее всегда связано с преступностью, первое, являясь выражением законной монополии государства на применение силы, также может быть опасно в плане провокации экстремизма, поскольку всякое нелегитимное политическое насилие в рамках «теории общего насилия» становится причиной нарушения закона [11; 12].

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом Российской Федерации 28 ноября

2014 г. № Пр-2753) определила экстремистскую идеологию как систему «взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения социальных, расовых, национальных, религиозных и политических конфликтов» (подп. «а» п. 4). Реализация принципа неотвратимости наказания за осуществление экстремистской деятельности была провозглашена в Стратегии одним из основных направлений государственной политики России по противодействию экстремизму (подп. «б» п. 27). Правовое обеспечение свободы слова и идеологического плюрализма в российском обществе не представляется возможным без устранения проявлений экстремизма, которые препятствуют устойчивому развитию институтов демократии на национальном уровне. Идеология насильственного экстремизма, порождая терроризм, разрушает демократические идеалы и либеральный жизненный порядок. В современных условиях очевидно, что правоохранительные органы обязаны пресекать деятельность экстремистских сообществ и организаций.

В большинстве случаев правоприменительной практики субъективная сторона преступлений экстремистской направленности выражается в виновном отношении к действиям со стороны организаторов пропаганды насилия и индивидуально мотивированных проявлениях ненависти как в процессе общения социальных групп между собой, так и при виртуальном взаимодействии экстремистов в социальных сетях с неопределенным кругом лиц. Пропаганда ненависти и социальной нетерпимости (*hate speech*) [13] широко изучена в англосаксонской юридической науке как криминогенный фактор, способный в случае распространения через средства массовой информации нарушить правопорядок в большинстве сфер жизни современного общества. Свободное общение в социальных сетях, по авторитетному мнению британского ученого Р. Коген-Альмагор (Raphael Cohen-Almagor), требует позитивной социальной ответственности от пользователей для предотвращения тех угроз, которые формируют «темную сторону Интернета» [14].

Председатель Следственного комитета Российской Федерации профессор А. И. Бастрыкин справедливо указывает, что развитие современных технологий и постоянный доступ к Интернету не только являются благом, но и несут в себе существенные угрозы безопасности несо-

вершеннолетних [15, с. 2]. Нельзя не согласиться с тем, что в процессе нейтрализации «экстремистских и террористических структур... не решен положительно вопрос об установлении уголовной ответственности юридических лиц, что могло бы существенным образом способствовать повышению эффективности борьбы с терроризмом» [1, с. 11].

Криминологические исследования западных специалистов показывают, что классические представления об организованной преступности недостаточно точно отражают мотивы террористических групп и экстремистских сообществ, которые при совершении насильственных преступлений преследуют в первую очередь политические и экономические цели. В то время как типичные криминальные группировки заинтересованы только в увеличении собственных доходов, террористы и экстремисты стремятся достигать собственные идеологические, политические и религиозные цели посредством совершения насильственных, противоправных действий. Мотивы экстремистов определяют выбор ими объектов преступных посягательств и оптимальную тактику совершения преступлений для сохранения доходности и функциональности собственной идеологически мотивированной и противоправной деятельности [16].

В американской и европейской правоприменительной практике, как и российских правоохранительных органов, сформировалось понимание того факта, что радикальные политические течения в виртуальном пространстве угрожают прежде всего молодежи [15]. Идеологи современного экстремизма умышленно вовлекают через каналы социальных сетей несовершеннолетних в совершение преступлений экстремистской направленности, что способствует реализации преступных планов и замыслов и значительно повышает степень общественной опасности таких преступлений.

Организационная форма экстремистских сообществ позволяет их руководителям не только быстро вовлекать в совершение преступлений экстремистского характера значительное число идеологических сторонников, но и выставять фактических исполнителей преступлений единственными лицами, виновными в их совершении и, соответственно, подлежащими уголовной ответственности. Политика выставления конкретных экстремистов в качестве жертв государственного насилия — одна из основных целей преступной схемы экстремистских органи-

заций, которым безразлична судьба конкретных граждан, но выгодно обострение политической ситуации в государстве, вплоть до совершения террористических актов лицами, попавшими под влияние экстремистской идеологии. В этом контексте конструктивность идеи профессора А. И. Бастрыкина о восприятии иностранного опыта уголовной ответственности юридических лиц [1, с. 11] представляется оправданной, рациональной и справедливой.

Безусловно, заслуживает внимания и консервативная позиция по вопросу уголовной ответственности юридических лиц за преступления экстремистского характера. Так, профессор А. В. Шеслер последовательно отмечает, что правильным и рациональным решением является сохранение воспринятого российским законодательством подхода, который основан на том, что ведущие общественно опасную деятельность юридические лица несут гражданско-правовую или административную ответственность, в то время как физические лица, представители этих организаций, несут уголовную ответственность за принятие ими преступных решений [17, с. 71]. Однако, стремясь уйти от ответственности за свои действия, лидеры экстремистских сообществ не оформляют собственные решения таким образом, чтобы им возможно было вменить в вину последствия тех преступлений, которые совершаются под воздействием пропаганды экстремизма. Большинство экстремистских сообществ стремится обрести статус религиозных или правозащитных организаций, так как в правовом государстве они пользуются широким спектром конституционных прав и свобод. При этом особенностью экстремистских сообществ является систематическое злоупотребление фундаментальными правами человека в информационном пространстве для разрушения институтов государства и гражданского общества [18, с. 124–125].

Идеология насильственного экстремизма, которая нацелена на дестабилизацию политической ситуации внутри страны, развивается в закрытых социальных сообществах, отражает агрессивные настроения определенных радикалов по отношению к политическому классу и доминирующей идеологии. Однако общедоступные информационные и политические технологии открывают все более широкий спектр криминогенных факторов, способствующих совершению преступлений экстремистского характера. При этом реализация суверенных прав

государства определяет «готовность адекватного правового воздействия на отношения, складывающиеся в условиях нарастающих экономических, информационных, идеологических, сетевых и иных угроз» [19, с. 198].

Спектр угроз устойчивому развитию в современном мировом сообществе определяет те идеологические установки, которые становятся базисом для экстремистской преступности. В неолиберальном мире массовое заключение мигрантов в лагеря, похожие на тюрьмы, по мнению американского криминолога М. Браун (Michelle Brown), порождает картину повседневной жизни, в которой всеми наблюдаемые социальные страдания становятся предметом для изучения «визуальной криминологии» [20, р. 176]. Безусловно, образы «визуальной истории современных войн» [21, с. 45] могут рассматриваться как средство борьбы с проявлениями экстремистской идеологии, однако все чаще наблюдение за социальной действительностью порождает в обществе экстремистские настроения.

Криминологический анализ преступности, существующей в виртуальном пространстве, показывает высокий уровень способностей представителей криминального мира к использованию эмоционального воздействия на чувства потенциальных жертв. Исследования в области «визуальной криминологии» [22, р. 127] и «политической эстетики» [23, р. 159] действительно во многом объясняют мотивацию террористов, которые совершенно осознанно выбирают объекты для нападения и средства для совершения своих атак, направленных на «оккупацию чувств» [24] массовой аудитории. После совершения террористических актов практически всегда прослеживается деятельность экстремистских сообществ, направленная на «романтизацию терроризма» [25].

Одним из наиболее опасных криминогенных факторов в развитых государствах становится появление «граждан второго сорта» (second-class citizenship) [26, р. 532], чье политическое участие на практике осуществляется посредством систематического применения по отношению к ним мер уголовного наказания. В результате неэффективности гарантий принципа социального государства «тюремное гражданство» (carceral citizenship) становится социальным институтом, влекущим за собой криминализацию беднейших слоев населения [26, р. 535], лишено базовых социальных гарантий. В контексте уязвимости граждан перед экстремистской идеологией од-

ной из функций современного государства выступает регулирование информационных отношений [27, с. 211], которое призвано не допускать превращение цифрового неравенства в барьер на пути к качественному образованию для всех граждан страны.

Не вызывает сомнений существенное влияние качества народного образования на уровень радикальных настроений в обществе. Широко известна склонность маргинальных студентов (*marginal student*) к совершению преступлений, которую пытаются объяснить дефицитом у них дополнительного образования [27; 28]. Однако само существование феномена «маргинальных студентов» становится признаком несовершенства системы народного образования, где возникает экстремизм в силу того, что у студентов понижен самоконтроль и способность к критическому мышлению. Например, криминологическое исследование в социальной среде бельгийской молодежи показало, что формирование экстремистских убеждений наиболее опасно в условиях неспособности индивидов к самоконтролю [29, р. 1000]. Проблема повышения уровня «праворадикальной преступной активности» на фоне безработицы [30, р. 260] только подчеркивает тот факт, что если в результате качественного образования молодые люди становятся занятыми членами общества, то их крайне сложно вовлечь в преступную деятельность экстремистских организаций.

Как показывают американские и европейские криминологические исследования, социальная природа современного экстремизма выражается в виртуальной ненависти (*cyberhate*) [31, р. 44], которая возникает на почве неосведомленности о сути проблем в самых разных областях общественной жизни. Общественно опасная активность неоллиберальных радикальных сообществ (от экологических групп (*radical eco-groups*) [32] до «групп смерти» [15; 33]) в современном мире — такая же актуальная проблема, как и исламский радикализм, который, однако, вне всяких сомнений, становится все более разрушительным по отношению к своим жертвам [34]. Существенная угроза совершения преступлений экстремистского характера исходит и от праворадикальных сообществ [35], которые, по обоснованному мнению известного американского ученого Д. Джонсона (*Daryl Johnson*), в США неоправданно часто игнорируются на национальном уровне [36]. Неолиберальный, праворадикальный и религиозный

экстремизм используется преступными сообществами для прославления терроризма и воодушевления отдельных граждан на совершение террористических актов, которые всегда нацелены против демократических принципов правового государства [37–41].

На общем фоне снижения преступной активности в странах Западной Европы, например в Германии, наблюдается тревожная тенденция к росту насилия со стороны праворадикальных сообществ и также очевидны проявления активности исламского терроризма [42]. Взаимная зависимость угрозы исламского терроризма и роста популярности праворадикальных настроений в немецком обществе не вызывает никаких сомнений [43]. В контексте роста популярности экстремистской идеологии небезынтересны выводы относительно того, что радикализация политического спектра происходит в результате неправильного понимания народом сути политического процесса [44]. Как справедливо отмечают западные ученые, за последние 25 лет значительная часть фактов радикальной борьбы за власть в США и Германии разворачивается в экономическом контексте [45].

Многообразие форм экстремистской идеологии создает трудности в ее оценке не только как преступного мотива, но и как элемента объективной стороны преступлений экстремистской направленности. Правовая квалификация поведения экстремистских сообществ в контексте анализа их действий, последствий таких действий и причинной связи между действиями и последствиями далеко не всегда позволяет определить конкретное физическое лицо, которому можно вменить в вину последствия совершенного преступления. Уровень правовой культуры исполнителей преступлений экстремистской направленности нередко исключает понимание ими не только правовых последствий собственных действий, но и весьма тонкой юридической грани между выражением личной ненависти к определенной социальной группе и пропагандой экстремизма. Руководители экстремистских сообществ в отличие от рядовых членов не только хорошо осведомлены о формальных отличиях личных суждений от пропаганды экстремизма, но и стремятся всячески использовать особенности политических взглядов рядовых членов экстремистских организаций в целях совершения конкретных преступлений.

Сложности в юридической квалификации проявлений экстремизма становятся причиной того обстоятельства, что выявление социальных

структур, склонных к экстремизму, дает ограниченный эффект в криминологическом контексте. Поскольку применение уголовного насилия к крайним полюсам политического спектра возможно только в ответ на незаконные действия конкретных лиц, системная политическая оппозиция стремится соблюдать закон, но может агрессивно реагировать на идеологическую пропаганду, способствуя популяризации протестной, в том числе и экстремистской, идеологии. Значительная часть несистемной оппозиции, ошибочно принимая риторику официальной антиэкстремистской пропаганды на свой счет, действует вполне законно и добросовестно, отстаивая конституционные свободы и демократические ценности. И как показывает практика, только радикальная оппозиция специально делает ставку на идеологию экстремизма и терроризм, надеясь на то, что в условиях политической нестабильности можно будет получить власть [46].

Идеология экстремизма в современном правовом государстве является криминогенным фактором, действие которого невозможно полностью исключить. Радикальные убеждения становятся мотивом совершения широкого круга насильственных деяний и преступлений экстремистской направленности. Вопрос уголовно-правовой квалификации экстремизма во многом аналогичен проблемам юридического подхода к различным проявлениям терроризма. Экстремизм, как и терроризм, скорее крайние формы протестного правосознания, чем конкретные правонарушения. При этом природа уголовного наказания такова, что оно применяется исключительно за деяния, совершенные определенным физическим лицом.

Ввиду того что у юридических лиц существуют цели деятельности и планы работы, участие руководителей общественных организаций в пропаганде экстремизма, как правило, отражено в документах и обусловлено использованием идеологии для защиты конкретных экономических и политических интересов посредством коллективного и противоправного политического протеста. Квалификация преступлений экстремистской направленности вне контекста дискуссии об уголовной ответственности самих юридических лиц определено зависит от функциональных обязанностей конкретных физических лиц в структуре экстремистских сообществ. Пропаганда экстремизма, его финансирование и руководство экстремистскими сообществами представляются наиболее типичными составами

ми преступлений экстремистской направленности, где в рамках характеристики объективной стороны преступления следует уделять особое внимание месту исполнителя преступления в структуре экстремистского сообщества, отграничивая тем самым пропаганду экстремизма от хулиганства и менее тяжких форм злоупотребления свободой самовыражения.

Если анализировать экстремистские мотивы как элемент субъективной стороны преступлений, то очевидны юридические проблемы идеологического плана, порождающие экстремизм. С одной стороны, идеология экстремизма всегда отражает низкую эффективность государственной политики и деформацию протестного и дискуссионного прочтения всех информационных сообщений. С другой стороны, сложилась устойчивая криминогенная тенденция к популяризации экстремизма в контексте неадекватной реакции гражданского общества на несовершенство публичной политики государства. В этих условиях определенная часть класса интеллектуалов, изолированных от принятия управленческих решений, осуществляет воспроизводство экстремистской идеологии. Повышение качества национальной демократии в направлении более широкого политического участия населения в управлении страной способно снизить число преступлений экстремистской направленности.

В последней четверти XX в. прослеживалась тенденция создания криминальными сообществами на основе экстремистской идеологии транснациональных стратегических союзов, для противодействия которым необходимы скоординированные усилия государства [47, с. 20]. Очевидно, что превентивная функция юридического наказания за пропаганду радикальными сообществами идеологии экстремизма, которая порождает терроризм, должна превалировать над иными целями привлечения виновных лиц к правовой ответственности. Превентивная функция правового регулирования в отношении распространения идеологии насильственного экстремизма, по нашему мнению, в оптимальной мере реализуется именно в рамках института уголовной ответственности. Однако в случае с правовой ответственностью юридических лиц принципиальное значение имеет не вид ответственности как таковой, а такая форма законного наказания, которая не позволяет экстремистским сообществам продолжать преступную деятельность против демократических ценностей на национальном и международном уровнях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бастрыкин А. И. Угрозы экстремизма и роль Следственного комитета Российской Федерации в обеспечении правовой стабильности / А. И. Бастрыкин // *Российский журнал правовых исследований*. — 2016. — № 1 (6). — С. 9–14.
2. Хлебушкин А. Г. Преступления экстремистской направленности в системе посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации: вопросы квалификации и судебная практика / А. Г. Хлебушкин. — М.: Проспект, 2015. — 192 с.
3. Кириленко В. П. Проблема борьбы с экстремизмом в условиях информационной войны / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев // *Управленческое консультирование*. — 2017. — № 4 (100). — С. 14–30. — DOI: 10.22394/1726-1139-2017-4-14-30.
4. Blakemore B. *Extremism, Counter-terrorism and Policing* / B. Blakemore ; ed. I. Awan. — London : Routledge, 2013. — 174 p.
5. *The Criminology of War* / ed. R. Jamieson. — London : Routledge, 2014. — 590 p.
6. Todorov T. *The Inner Enemies of Democracy* / T. Todorov. — Cambridge : Polity Press, 2014. — 200 p.
7. Benier K. The Harms of Hate: Comparing the Neighbouring Practices and Interactions of Hate Crime Victims, Non-hate Crime Victims and Non-victims / K. Benier // *International Review of Victimology*. — 2017. — Vol. 23, № 2. — P. 179–201. — DOI: 10.1177/0269758017693087.
8. Mason G. The Symbolic Purpose of Hate Crime Law: Ideal Victims and Emotion / G. Mason // *Theoretical Criminology*. — 2013. — Vol. 18, № 1. — P. 75–92. — DOI: 10.1177/1362480613499792.
9. Meyer D. Resisting Hate Crime Discourse: Queer and Intersectional Challenges to Neoliberal Hate Crime Laws / D. Meyer // *Critical Criminology*. — 2014. — Vol. 22, № 1. — P. 113–125. — DOI: 10.1007/s10612-013-9228-x.
10. Dyfvermark M. R. Contexts of Radicalization: An Inductive Meta-Analysis of 41 Case Studies of Contentious Elections / M. R. Dyfvermark // *Expressions of Radicalization* / eds. K. Steiner, A. Önnersfors. — Palgrave Macmillan, 2018. — P. 209–246. — DOI: 10.1007/978-3-319-65566-6_8.
11. Ruggiero V. *Political Violence and Crime* / V. Ruggiero // *Oxford Research Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*. — New York : Oxford Univ. Press, 2017. — P. 1–23. — DOI: 10.1093/acrefore/9780190264079.013.371.
12. Ruggiero V. *Understanding Political Violence: A Criminological Approach* / V. Ruggiero. — McGraw-Hill Education, 2006. — 220 p.
13. Guiora A. Hate Speech on Social Media / A. Guiora, E. A. Park // *Philosophia*. — 2017. — № 45 (3). — P. 957–971. — DOI: 10.1007/s11406-017-9858-4.
14. Cohen-Almagor R. *Confronting the Internet's Dark Side: Moral and Social Responsibility on the Free Highway* / R. Cohen-Almagor. — Cambridge Univ. Press, 2015. — 400 p.
15. Бастрыкин А. И. На защите прав несовершеннолетних / А. И. Бастрыкин // *Законность*. — 2009. — № 9. — С. 3–7.
16. Gendron A. Criminology, Terrorism and the Changing Nature of Conflict: The Dynamics of the Nexus Between Crime and Terrorism / A. Gendron // *The Palgrave Handbook of Security, Risk and Intelligence* / eds. R. Dover, H. Dylan, M. Goodman. — Palgrave Macmillan, 2017. — P. 315–333. — DOI: 10.1057/978-1-137-53675-4_18.
17. Шеслер А. В. Исполнитель преступления / А. В. Шеслер // *Lex Russica*. — 2016. — № 11 (120). — С. 71–76. — DOI: 10.17803/1729-5920.2016.120.11.071-076.
18. Кириленко В. П. Международное право и информационная безопасность государств / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев. — СПб.: С.-Петерб. гос. ин-т кино и телевидения, 2016. — 396 с.
19. Терентьева Л. В. Концепция суверенитета государства в условиях глобализационных и информационно-коммуникационных процессов / Л. В. Терентьева // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. — 2017. — № 1. — С. 187–200. — DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.187.200.
20. Brown M. Visual Criminology and Carceral Studies: Counter-images in the Carceral Age / M. Brown // *Theoretical Criminology*. — 2014. — Vol. 18, № 2. — P. 176–197. — DOI: 10.1177/1362480613508426.
21. Громогласова Е. С. Визуально-образный контекст военного контртерроризма / Е. С. Громогласова // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2017. — № 5. — С. 45–56. — DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-45-56.
22. Rafter N. Introduction to Special Issue on Visual Culture and the Iconography of Crime and Punishment / N. Rafter // *Theoretical Criminology*. — 2014. — Vol. 18, № 2. — P. 127–133. — DOI: 10.1177/1362480613510547.
23. Young A. From Object to Encounter: Aesthetic Politics and Visual Criminology / A. Young // *Theoretical Criminology*. — 2014. — Vol. 18, № 2. — P. 159–175. — DOI: 10.1177/1362480613518228.
24. Shalhoub-Kevorkian N. The Occupation of the Senses: The Prosthetic and Aesthetic of State Terror / N. Shalhoub-Kevorkian // *The British Journal of Criminology*. — 2017. — Vol. 57, № 6 (1). — P. 1279–1300. — DOI: 10.1093/bjc/azw066.
25. Hayes S. *Romantic Terrorism: An Auto-Ethnography of Domestic Violence, Victimization and Survival* / S. Hayes, S. Jeffries. — London : Palgrave Macmillan, 2015. — 112 p. — DOI: 10.1057/9781137468499.
26. Miller R. J. Carceral Citizenship: Race, Rights and Responsibility in the Age of Mass Supervision / R. J. Miller, F. Stuart // *Theoretical Criminology*. — 2017. — Vol. 21, № 4. — P. 532–548. — DOI: 10.1177/1362480617731203.
27. Ефремов А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства / А. А. Ефремов // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. — 2017. — № 1. — С. 201–215. — DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.201.215.
28. Nordin M. Does Eligibility for Tertiary Education Affect Crime Rates? Quasi-Experimental Evidence / M. Nordin // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2017. — May. — P. 1–25. — DOI: 10.1007/s10940-017-9355-8.
29. Lieven J. How Robust Is the Moderating Effect of Extremist Beliefs on the Relationship Between Self-Control and Violent Extremism? / J. Lieven, R. Pauwels, R. Svensson // *Crime & Delinquency*. — 2017. — Vol. 63, № 8. — P. 1000–1016. — DOI: 10.1177/0011128716687757.
30. Falk A. Unemployment and Right-wing Extremist Crime / A. Falk, A. Kuhn, J. Zweimüller // *The Scandinavian Journal of Economics*. — 2011. — Vol. 113, № 2. — P. 260–285. — DOI: 10.1111/j.1467-9442.2011.01648x.
31. Kushen R. Seeds of Extremism / R. Kushen // *Index on Censorship*. — 2013. — Vol. 42, № 1. — P. 44–47. — DOI: 10.1177/0306422013478358.

32. Carson J. V. Counterterrorism and Radical Eco-Groups: A Context for Exploring the Series Hazard Model / J. V. Carson // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2014. — Vol. 30, iss. 3. — P. 485–504. — DOI: 10.1007/s10940-013-9211-4.
33. Новиков В. В. Гибридный информационно-психологический терроризм на примере «групп смерти» / В. В. Новиков // *Воспитательная, социальная и психологическая работа в уголовно-исполнительной системе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Рязань, 21–23 нояб. 2017 г. — Рязань, 2017. — Ч. 1. — С. 320–322.*
34. Tade O. «Nobody is sure of tomorrow» using the Health Belief Model to explain safety behaviours among Boko Haram victims in Kano, Nigeria / O. Tade, P. C. Nwanosike // *International Review of Victimology*. — 2016. — Vol. 22, № 3. — P. 339–355. — DOI: 10.1177/0269758016634184.
35. Guiora A. N. Tolerating Intolerance: The Price of Protecting Extremism / A. N. Guiora. — Oxford Univ. Press, 2014. — 224 p.
36. Johnson D. Right-Wing Resurgence: How a Domestic Terrorist Threat is Being Ignored / D. Johnson. — Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2012. — 423 p.
37. Awan I. Glorifying and Encouraging Terrorism: Preserving the Golden Thread of Civil Liberties in Britain / I. Awan // *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*. — 2012. — Vol. 4, № 3. — P. 144–155. — DOI: 10.1108/17596591211244157.
38. Sageman M. Leaderless Jihad: Terror Networks in the 21st Century / M. Sageman. — Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press, 2008. — 208 p.
39. Borum R. Radicalization into Violent Extremism Part II: A Review of Conceptual Models and Empirical Research / R. Borum // *Journal of Strategic Security*. — 2011. — Vol. 4, № 4. — P. 37–62. — DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.2.
40. Omand D. Securing the State / D. Omand. — London : Hurst & Co, 2010. — 345 p.
41. Townsend C. Terrorism: A Very Short Introduction / C. Townsend. — New York : Oxford Univ. Press, 2002. — 176 p.
42. Boers K. Crime, Crime Control and Criminology in Germany / K. Boers, C. Walburg, K. Kanz // *European Journal of Criminology*. — 2017. — Vol. 14, № 6. — P. 654–678. — DOI: 10.1177/1477370817734432.
43. Kurzman C. Ideology and Threat Assessment: Law Enforcement Evaluation of Muslim and Right-Wing Extremism / C. Kurzman, A. Kamal, H. Yazdihya // *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*. — 2017. — Vol. 3. — P. 1–13. — DOI: 10.1177/2378023117704771.
44. Fernbach P. M. Political Extremism Is Supported by an Illusion of Understanding / P. M. Fernbach, T. Rogers, C. R. Fox, S. A. Sloman // *Psychological Science*. — 2013. — Vol. 24, № 6. — P. 939–946. — DOI: 10.1177/0956797612464058.
45. Parkin W. S. Extremist Violence from the Fatherland to the Homeland: A Comparison of Far-Right Homicide in Germany and the United States / W. S. Parkin, J. Gruenewald, E. Jandro // *International Criminal Justice Review*. — 2017. — Vol. 27, № 2. — P. 85–107. — DOI: 10.1177/1057567716679233.
46. Braithwaite J. Pre-empting terrorism / J. Braithwaite // *Current Issues in Criminal Justice*. — 2005. — Vol. 17, № 1. — P. 96–114.
47. Патрушев Н. П. Транснациональная преступность, взаимосвязь наиболее опасных ее видов — терроризма, наркотрафика, нелегальной миграции, незаконного оборота оружия и радиоактивных материалов, пиратства / Н. П. Патрушев // *Право и безопасность*. — 2010. — № 4. — С. 20–23.

REFERENCES

1. Bastrykin A. I. The threat of extremism and the role of the Investigative Committee of the Russian Federation in ensuring legal stability. *Rossiiskii zhurnal pravovyykh issledovaniy = Russian Journal of Legal Studies*, 2016, no. 1 (6), pp. 9–14. (In Russian).
2. Khlebushkin A. G. *Prestupleniya ekstremistskoi napravlenosti v sisteme posyagatel'stv na osnovy konstitutsionnogo stroya Rossiiskoi Federatsii: voprosy kvalifikatsii i sudebnaya praktika* [Extremism crimes in the system of infringements on the foundations of the constitutional order of the Russian Federation: issues of qualifying and court practice]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 192 p.
3. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. The problem of countering violent extremism in the information war. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*, 2017, no. 4 (100), pp. 14–30. DOI: 10.22394/1726-1139-2017-4-14-30. (In Russian).
4. Blakemore B.; Awan I. (ed.). *Extremism, Counter-terrorism and Policing*. London, Routledge, 2013. 174 p.
5. Jamieson R. (ed.). *The Criminology of War*. London, Routledge, 2014. 590 p.
6. Todorov T. *The Inner Enemies of Democracy*. Cambridge, Polity Press, 2014. 200 p.
7. Benier K. The Harms of Hate: Comparing the Neighbouring Practices and Interactions of Hate Crime Victims, Non-hate Crime Victims and Non-victims. *International Review of Victimology*, 2017, vol. 23, no. 2, pp. 179–201. DOI: 10.1177/0269758017693087.
8. Mason G. The Symbolic Purpose of Hate Crime Law: Ideal Victims and Emotion. *Theoretical Criminology*, 2013, vol. 18, no. 1, pp. 75–92. DOI: 10.1177/1362480613499792.
9. Meyer D. Resisting Hate Crime Discourse: Queer and Intersectional Challenges to Neoliberal Hate Crime Laws. *Critical Criminology*, 2014, vol. 22, no. 1, pp. 113–125. DOI: 10.1007/s10612-013-9228-x.
10. Dyfvermark M. R. Contexts of Radicalization: An Inductive Meta-Analysis of 41 Case Studies of Contentious Elections. In Steiner K., Önerfors A. (eds.). *Expressions of Radicalization*. Palgrave Macmillan, 2018, pp. 209–246. DOI: 10.1007/978-3-319-65566-6_8.
11. Ruggiero V. Political Violence and Crime. *Oxford Research Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*, New York, Oxford University Press, 2017, pp. 1–23. DOI: 10.1093/acrefore/9780190264079.013.371.
12. Ruggiero V. *Understanding Political Violence: A Criminological Approach*. McGraw-Hill Education, 2006. 220 p.
13. Guiora A., Park E. A. Hate Speech on Social Media. *Philosophia*, 2017, no. 45 (3), pp. 957–971. DOI: 10.1007/s11406-017-9858-4.
14. Cohen-Almagor R. *Confronting the Internet's Dark Side: Moral and Social Responsibility on the Free Highway*. Cambridge University Press, 2015, 400 p.
15. Bastrykin A. I. Protecting the rights of minors. *Zakonnost' = Legality*, 2009, no. 9, pp. 2–7. (In Russian).
16. Gendron A. Criminality, Terrorism and the Changing Nature of Conflict: The Dynamics of the Nexus between Crime and Terrorism. In Dover R., Dylan H., Goodman M. (eds.). *The Palgrave Handbook of Security, Risk and Intelligence*. Palgrave Macmillan, 2017, pp. 315–333. DOI: 10.1057/978-1-137-53675-4_18.

17. Shesler A. V. A Perpetrator. *Lex Russica*, 2016, no. 11 (120), pp. 71–76. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.120.11.071-076. (In Russian).
18. Kirilenko V. P., Alexeyev G. V. *International law and information security of the states*. St. Petersburg State University of Film and Television Publ., 2016. 396 p.
19. Terenteva L. V. Concept of Sovereignty in the Conditions of Global and Information Communication Processes. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2017, no. 1, pp. 187–200. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.187.200. (In Russian).
20. Brown M. Visual Criminology and Carceral Studies: Counter-images in the Carceral Age. *Theoretical Criminology*, 2014, vol. 18, no. 2, pp. 176–197. DOI: 10.1177/1362480613508426.
21. Gromoglasova E. S. VISUAL-iconic background of the military counter-terrorism. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2017, no. 5, pp. 45–56. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-45-56. (In Russian).
22. Rafter N. Introduction to Special Issue on Visual Culture and the Iconography of Crime and Punishment. *Theoretical Criminology*, 2014, vol. 18, no. 2, pp. 127–133. DOI: 10.1177/1362480613510547.
23. Young A. From Object to Encounter: Aesthetic Politics and Visual Criminology. *Theoretical Criminology*, 2014, vol. 18, no. 2, pp. 159–175. DOI: 10.1177/1362480613518228.
24. Shalhoub-Kevorkian N. The Occupation of the Senses: The Prosthetic and Aesthetic of State Terror. *The British Journal of Criminology*, 2017, vol. 57, no. 6 (1), pp. 1279–1300. DOI: 10.1093/bjc/azw066.
25. Hayes S., Jeffries S. *Romantic Terrorism: An Auto-Ethnography of Domestic Violence, Victimization and Survival*. London, Palgrave Macmillan, 2015. 112 p. DOI: 10.1057/9781137468499.
26. Miller R. J., Stuart F. Carceral Citizenship: Race, Rights and Responsibility in the Age of Mass Supervision. *Theoretical Criminology*, 2017, vol. 21, no. 4, pp. 532–548. DOI: 10.1177/1362480617731203.
27. Efremov A. A. Formation of the Concept of Information Sovereignty of the State. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2017, no. 1, pp. 201–215. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.201.215. (In Russian).
28. Nordin M. Does Eligibility for Tertiary Education Affect Crime Rates? Quasi-Experimental Evidence. *Journal of Quantitative Criminology*, 2017, May, pp. 1–25. DOI: 10.1007/s10940-017-9355-8.
29. Lieven J., Pauwels R., Svensson R. How Robust Is the Moderating Effect of Extremist Beliefs on the Relationship Between Self-Control and Violent Extremism? *Crime & Delinquency*, 2017, vol. 63, no. 8, pp. 1000–1016. DOI: 10.1177/0011128716687757.
30. Falk A., Kuhn A., Zweimüller J. Unemployment and Right-wing Extremist Crime. *The Scandinavian Journal of Economics*, 2011, vol. 113, no. 2, pp. 260–285. DOI: 10.1111/j.1467-9442.2011.01648.x.
31. Kushen R. Seeds of Extremism. *Index on Censorship*, 2013, vol. 42, no. 1, pp. 44–47. DOI: 10.1177/0306422013478358.
32. Carson J. V. Counterterrorism and Radical Eco-Groups: A Context for Exploring the Series Hazard Model. *Journal of Quantitative Criminology*, 2014, vol. 30, iss. 3, pp. 485–504. DOI: 10.1007/s10940-013-9211-4.
33. Novikov V. V. Hybrid information and psychological terrorism of the «death groups». *Vospitatel'naya, sotsial'naya i psikhologicheskaya rabota v ugovolno-ispolnitel'noi sisteme. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ryazan, 21–23 noyabrya 2017 g.* [Educational, social and psychological work in the penitentiary system. Materials of International Research Conference, Ryazan, November, 21–23, 2017]. Ryazan, 2017. Pt. 1, pp. 320–322. (In Russian).
34. Tade O., Nwanosike P. C. «Nobody is sure of tomorrow» using the Health Belief Model to explain safety behaviours among Boko Haram victims in Kano, Nigeria. *International Review of Victimology*, 2016, vol. 22, no. 3, pp. 339–355. DOI: 10.1177/0269758016634184.
35. Guiora A. N. *Tolerating Intolerance: The Price of Protecting Extremism*. Oxford University Press, 2014. 224 p.
34. Johnson D. *Right-Wing Resurgence: How a Domestic Terrorist Threat is Being Ignored*. Lanham, Rowman & Littlefield Publishers, 2012. 423 p.
35. Awan I. Glorifying and Encouraging Terrorism: Preserving the Golden Thread of Civil Liberties in Britain. *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*, 2012, vol. 4, no. 3, pp. 144–155. DOI: 10.1108/17596591211244157.
36. Sageman M. *Leaderless Jihad: Terror Networks in the 21st Century*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2008. 208 p.
37. Borum R. Radicalization into Violent Extremism Part II: A Review of Conceptual Models and Empirical Research. *Journal of Strategic Security*, 2011, vol. 4, no. 4, pp. 37–62. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.2.
38. Omand D. *Securing the State*. London, Hurst & Co, 2010. 345 p.
39. Townsend C. *Terrorism: A Very Short Introduction*. New York, Oxford University Press, 2002. 176 p.
40. Boers K., Walburg C., Kanz K. Crime, Crime Control and Criminology in Germany. *European Journal of Criminology*, 2017, vol. 14, no. 6, pp. 654–678. DOI: 10.1177/1477370817734432.
41. Kurzman C., Kamal A., Yazdiha H. Ideology and Threat Assessment: Law Enforcement Evaluation of Muslim and Right-Wing Extremism. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, 2017, vol. 3, pp. 1–13. DOI: 10.1177/2378023117704771.
42. Fernbach P. M., Rogers T., Fox C. R., Sloman S. A. Political Extremism Is Supported by an Illusion of Understanding. *Psychological Science*, 2013, vol. 24, no. 6, pp. 939–946. DOI: 10.1177/0956797612464058.
43. Parkin W. S., Gruenewald J., Jandro E. Extremist Violence from the Fatherland to the Homeland: A Comparison of Far-Right Homicide in Germany and the United States. *International Criminal Justice Review*, 2017, vol. 27, no. 2, pp. 85–107. DOI: 10.1177/1057567716679233.
44. Braithwaite J. Pre-empting terrorism. *Current Issues in Criminal Justice*, 2005, vol. 17, no. 1, pp. 96–114.
45. Patrushev N. P. Transnational crime, relation of its most dangerous kinds-terrorism, drug traffic, illegal migration, arms and radioactive traffic, acts of piracy. *Pravo i bezopasnost' = Law and Security*, 2010, no. 4, pp. 20–23. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кириленко Виктор Петрович — заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: v.vvaas@yandex.ru.

Алексеев Георгий Валерьевич — доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: deltafox1@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кириленко В. П. Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 4. — С. 561–571. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).561-571.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kirilenko, Viktor P. — Head, Chair of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: v.vvaas@yandex.ru.

Alekseev, Georgy V. — Ass. Professor, Chair of Legal Sciences, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: deltafox1@yandex.ru.

FOR CITATION

Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Actual problems of extremism crime counteraction. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 4, pp. 561–571. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).561-571. (In Russian).